

Елена Логунова

Коктейль из Развесистой Клюквы

новая
звезда
иронического
детектива

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена и Ирка

Елена Логунова

Коктейль из развесистой клюквы

«ЭКСМО»

2005

Логунова Е. И.

Коктейль из развесистой клюквы / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2005 — (Елена и Ирка)

Ох, не зря женщины не жалуют длиннохвостых грызунов! Соседская декоративная крыса Лолита втравила Елену в... историю с убийствами! Первым погиб хозяин Лолиты – Алик Дыркин. Мало того что Елена нашла его труп, так она еще вынуждена по приказу своего телевизионного начальства освещать криминальную историю в новостях. К трагедии причастен воротила местного шоу-бизнеса по прозвищу Носорог. Сама-то Лена предпочла бы держаться в стороне от расследования, тем более что на этом категорически настаивают профессиональные сыщики. Но вскоре один за другим начинают гибнуть ее друзья и коллеги... Похоже, разгадка тайны кроется в джунглях телевидения, а для журналистки Елены это естественная среда обитания! Так что при поддержке боевой подруги Ирки она еще утрет нос родной милиции!..

© Логунова Е. И., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Понедельник	5
Вторник	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Логунова

Коктейль из развесистой клюквы

Понедельник

– Нно-о! – неуверенно провозгласил парень в форменной майке продавца, устраиваясь на спине надувной лошадки.

– «Ну, мертвая!» – крикнул малюточка басом...» – одобрительно кивнул торговому работнику Колян.

Он с интересом наблюдал за тем, как молодой человек ерзает по резиновой конской спине в поисках наилучшего положения.

– Сидеть удобно? – спросила я.

– Очень! – с жаром уверил продавец, колени которого находились вровень с ушами.

– Я засекаю время, – предупредила я, поднимая повыше руку с секундомером, позавидованным с витрины.

В магазин спортивных товаров «Первый дивизион» мы с Коляном пришли вечером тяжелого дня – понедельника для того, чтобы купить нашему двухлетнему малышу какой-нибудь спортивный снаряд или тренажер. Что-нибудь такое, благодаря чему неугомонный Масынька смог бы избавляться от переизбытка энергии. Ребенок кое-как укладывался спать не раньше полуночи, и это после четырехчасовой пешеходной прогулки по паркам и скверам! Каждый вечер одно и то же, прямо-таки сцены из передачи «В мире животных»: мы с Коляном, склонив головы, кренимся на диване, как парочка хворых попугайчиков, а мальчик галопирует по квартире, как необъезженная лошадь Пржевальского!

– Долгая прогулка по шумному парку со множеством аттракционов – это совсем не то, что нужно ребенку. Его надо утомлять, не перевозбуждая, – авторитетно сказала детская докторша, которой я пожаловалась на нашу проблему.

– То есть физические нагрузки не должны сопровождаться увеселениями? – уточнила я.

– Что ж ему, картошку копать? – вступился за сына Колян.

Сельскохозяйственные работы докторша отвергла и посоветовала физкультурные упражнения. Мне казалось, что наилучшим решением было бы здоровенное беличье колесо, в котором Масы мог бы бегать до упаду.

– Ага, а к колесу провода подвести, чтобы малыш заодно электроэнергию вырабатывал! – одобрил мою идею Колян. – По-моему, он один сможет полквартила освещать!

К сожалению, ничего похожего на беличье колесо в магазине спорттоваров не нашлось. Разнообразные тренажеры Масыньку не впечатлили, и мы с Коляном пришли к выводу, что малыш не сможет в достаточной степени увлечься скучной беговой дорожкой или жалким подобием каное. Зато в магазине имелись великолепные надувные звери, собаки и лошади, изготовленные из жутко прочной резины в специальном расчете на многочасовую детскую скачку. Правда, Масы не захотел самолично воссесть на какую-нибудь резиновую животину, но смотрел на игрушки с явным интересом и уходил из угла, отведенного под стойло надувных коней, не хотел.

– Ну, кобеля-то мы точно брать не станем, ездовые собаки хороши для чукотских оленеводов, – заявил Колян, хлопая по упругому боку полосатой лошадки. – Но вот эта коняга мне нравится.

– Это зебра, – поправил его продавец, щуплый юноша не самой спортивной наружности, но очень азартный.

Было очевидно, что ему страшно хочется сбегать нам какого-нибудь конька-горбунка. Ничего удивительного: стоили верховые лошадки и собачки по сорок баксов за голову и явно не относились к предметам повышенного покупательского спроса.

– Зебры хороши для африканских бушменов, – сказал вредный Колян, очевидно, нарочно нервируя работника прилавка.

– Возьмем зебру, – решительно вмешалась я. – Если, конечно, она выдержит полевые испытания.

Продавец насторожился, и я в двух словах объяснила ему задачу: надо, мол, проверить, насколько изматывает наездника скачка на надувной зебре!

– На старт! Внимание!! Марш!!! – Свободной от секундомера рукой я рубанула воздух в опасной близости от уха продавца, воссевшего на зебру совершенно добровольно.

– Пошел! – продублировал команду Колян.

– Н-н-о! – отчаянно взревел юноша, прищипывая своего резинового скакуна.

Громко и восторженно завизжал Масяня.

– «Усталость забыта, колышется чад! И снова копыта, как сердце, стучат!» – с пафосом запел кто-то за моей спиной.

Пение сопровождалось ритмичными хлопками. Я обернулась: позади нас уже собрались зрители. В небольшой толпе там и сям пламенели красные форменные майки «Первого дивизиона». Коллеги нашего продавца подбадривали товарища возгласами: «Вперед, Паша!» и «Шашки наголо!».

– Пам-пам! Пам-пам-пам! – одобрительно взревела дудка в расположенном по соседству отделе футбольных принадлежностей.

– Давай-давай! – закричали болельщики.

– Ур-р-ра-а! – нараспев затянул польщенный общим вниманием наездник.

– Красотища! – явно любясь происходящим, сказал мне на ухо Колян.

Я прищурилась. Скачущий на верной боевой зебре юный продавец раздумился, вошел в образ и уже размахивал над головой рукой так, словно крутил в воздухе невидимую саблю. Для полноты картины парню не хватало буденновки со звездой и красного эскадрона на заднем плане. А на форменной майке под словами «Первый дивизион» я бы еще приписала: «Имени Василия Ивановича Чапаева».

В общем, зебру мы купили – ту самую, которую едва не загнал добросовестный торговый работник. Поскольку подходящего насоса у нас дома не было, сдуть игрушку мы не стали, так и понесли по улице. Я тащила коробку и Масяньку, а Колян топал впереди, крепко обняв полосатую лошадь, пока какой-то поддатый гражданин не заступил ему путь со словами:

– Ну, ты отвязный чувак! Надувных баб я навидался, но надувная лошадь – это круто!

После этого «отвязный чувак» Колян попросил нас с Масей держаться к нему поближе:

– Жена и ребенок – мое алиби, – нервно хихикая, сказал он. – Самим фактом своего существования вы снимаете с меня подозрения в ненормальной сексуальной ориентации.

Так, с шуточками и хохмочками, мы четвером: я, два Коляна – большой и маленький и одна безымянная резиновая зебра – прибыли домой. Пока я готовила ужин, муж всячески уговаривал малыша поближе познакомиться с новой игрушкой и минут через двадцать, наконец, преуспел: Масянька согласился покататься на полосатой лошадке и потом не слезал с нее с полчаса. Не знаю, как зебру, а малыша затяжной гандикап изрядно утомил. Ребенок уснул в двадцать два часа – невиданное дело!

– Ну, слава богу, получилось! – облегченно вздохнул Колян, от полноты чувств звонко чмокнув зебру в тугую резиновую морду. – Теперь мы тоже сможем ложиться пораньше и наконец-то выспимся! Ура! Да здравствует резиновая лошадь!

– Да здравствует наша надувная зебра! – шепотом, чтобы не разбудить ребенка, подхватила я.

Если бы я тогда знала, сколько бессонных ночей ждет меня в ближайшем будущем, выбросила бы игрушку с балкона на головы припозднившимся пешеходам!

Припозднившимся пешеходом тем вечером был Алик Дыркин, высокий блондин в черном ботинке.

Красивый итальянский башмак украшал собой одну правую ногу Алика. Вторая нога была разута. Ее даже можно было назвать наполовину босой, потому что тонкий серый носок, обтягивавший левую нижнюю конечность Дыркина от кончиков пальцев до середины икры, прорвался на пятке большой безобразной дырой. Впрочем, отсутствие ботинка не бросалось в глаза, так как и розовая пятка, и серый носок были равномерно покрыты черной липкой грязью. На подступах к дому Алик по щиколотку провалился в лужу.

На походке высокого блондина некомплект обуви также не сказался, у Дыркина и без того наблюдались серьезные проблемы с равновесием. Алик был безобразно пьян, а потому гнулся и качался, как тонкая рябина из известной народной песни.

Подсознательно уловив это сходство, Дыркин неожиданно приостановил свое неверное поступательное движение вблизи подъезда и доверительно напел фокстерьеру, высунувшему любопытную морду в окно первого этажа:

– «Но нельзя рябине...» – ик!

– Нажрался? – откровенно одобрительно пыхнул из глубины квартиры папиросным дымом пенсионер Крутиков. – Икаешь?

– Ик! «К дубу перебраться...»

– Перебраться иногда можно, – откликнулся Крутиков. – Как же без этого?

– «...ся!»! – с нажимом закончил Алик.

На осмысление последнего неожиданного заявления пенсионеру понадобилась минута. За это время Дыркин путем вдумчивого ощупывания оштукатуренного фасада нашел подъезд и внедрился в него. Дальнейшее его перемещение вверх по лестнице до собственной квартиры на втором этаже сопровождалось разнообразными шумами. Алик топал, шаркал плечами о стены, гремел перилами и добродушно ругался. Особый звук – сочный звонкий шлепок – сопровождал падение кожаного чемодана, который Алик выронил на лестничной площадке между этажами.

Чемодан был красивый, дорогой, но Дыркин не стал тратить время на его поиски. Честно говоря, он даже не заметил потери. Алик не успел сродниться со своей ношей, так как счастливым владельцем чемодана был совсем недолго: этот саквояж ему всего пару часов назад презентовали коллеги по туристическому агентству «Ласточка». Чемодан был подарком Алику на день рождения, шумное корпоративное празднование которого и превратило преуспевающего туроператора в бессмысленную пьяную скотину.

Гремя ключами, добытыми из кармана парадного пиджака с большим трудом и с небольшим куском подкладки, Алик попытался надеть на один из ключей одну из замочных скважин, но не преуспел. Скважины, которых, на неверный взгляд Алика, было никак не меньше четырех, разбегались от ключа, словно тараканы от веника. Тогда Дыркин устало прилег на широкую дерматиновую грудь своей двери и с пьяной уверенностью повелел:

– Сим-сим, откройся!

Удивительно, но сказочное заклинание сработало! Дверь распахнулась, уронив Алика на пол прихожей. Некомплектные ноги Дыркина неуютно поерзали по резиновому коврику под дверью, а потом вдруг рывком унеслись в неосвещенную квартиру. Через мгновение дверь шумно захлопнулась.

Минут пять-шесть в подъезде было тихо, как и положено в поздний час. Потом на третьем этаже щелкнул замок, скрипнула дверь, и вниз по лестнице мягко поскакал кот Миха, жаждущий любовных утех.

– Гуляй, пока молодой! – напутствовал своего домашнего любимца военный пенсионер Иван Иванович Ивушкин, закрывая дверь.

В свои пятьдесят Ван Ваныч, как его называла любящая супруга Марфа Андреевна, сохранил достаточное количество жизненных сил и отнюдь не смутные воспоминания о тех временах, когда он сам теплыми ночами допоздна болтался в палисаднике у подъезда, горлая, как охваченный любовным томлением Миха. С той разницей, что Миха пел «а капелла», а юный Ваня голосил под собственноручно терзаемую гитару.

Мордастый «британец» Миха на мягких лапах пружинисто вынесся во двор, и по клумбе, густо заросшей осенними астрами, прошла волна. Сразу несколько представителей вида кошачьих рванули кто куда. Домашний перс стариков Крутиковых метнулся на знакомый подоконник, поближе к родному фокстерьеру Фантику. Матерый наглый «дворянин» Тимоня бесстрашно попер навстречу конкуренту Михе, а распутная сиамская кошка Снежинка, провоцируя кровавые кошачьи разборки, томно мякнула и сиганула на ветку старой яблони, откуда на пятачок перед подъездом сразу же упало большое червивое яблоко. Черный Тимоня легко перепрыгнул через него и приземлился на асфальт в полуметре от присевшего Михи. Рыжий «британец», опровергая байку об англосаксонской невозмутимости, нервно дернул пушистым хвостом и хрипло провыл:

– Уо-уо-о-о!

– Уа-а-а-а! – хамовитым басом ответил Тимоня.

Котяры замерли, прижав уши и разинув пасти. Друг на друга они при этом не смотрели, но вопили на редкость слаженно, как будто долго репетировали.

Наверху со стуком распахнулось окно.

– Миха! – плачущим голосом излишне громко прокричала Марфа Андреевна Ивушкина, в тревоге за судьбу четвероногого друга нарушая законы человеческого общежития. – Михочка, иди домой, мой мальчик! Михуся! Иди, мамочка даст вкусной рыбки!

– Мья-а-а! – издав боевой клич неведомого шотландского клана, Михочка ринулся в бой.

– Михуня мой! Михуля! – надрывалась любящая хозяйка, перебирая все возможные производные от клички питомца.

– Не матери кота, Марфа! – прикрикнул на супругу Ван Ваныч. – Минька у нас боец что надо! Колонизатор! Гляди, как он метелит этого кошачьего негра!

Рыжий «британец», действительно, обратил черного противника в бегство и, не откладывая дела в долгий ящик, порысил к яблоне, на ветке которой соблазнительным плодом бугрилась распутная Снежинка.

– Давай, Михей, покажи, какой ты мужик! Не посрами фамилию! – подбадривал кота азартный Ван Ваныч.

– Михочка, маленький мой!

Причитающая Марфа Андреевна выдернула из гнездышка на боковой полке холодильника бутылочку с валерьянкой и побежала во двор – подманивать дорогого котика с твердым намерением пленить его и утащить домой, подальше от опасностей разгульной дворовой жизни.

С балкона неся залихватский свист развеселившегося Ван Ваныча.

– Московское время двадцать два сорок пять! – негодуя, сообщил пенсионер Крутиков, выглянув из своего окна, как классическая кукушечка из часов.

Порывисто распахнутая створка стряхнула обратно в клумбу аморфного перса Дусика. Приятель-фокстерьер сочувственно взлаял ему вслед.

– А вы не гавкайте там! – некультурно отозвался с третьего этажа Ван Ваныч. – Спите спокойно, дорогие товарищи, импотенты и кастраты!

– Это кто тут импотент?! – козлиным голосом вскричал задетый за живое дедушка Крутиков.

– Да уж ясно, что не жиртрест твой персидский: тот, определенно, кастрат! – издеваясь, отозвался Ивушкин.

С отчетливой претензией взлял фокстерьер Фантик, на которого в связи с вышесказанным также легла тень подозрения.

– А ну, захлопнули окна, аксакалы! – пугающе гаркнул в свою форточку Вася Ижицин, грузчик с незаконченным средним образованием. – Мне в половине шестого вставать, в шесть на рынок двигать! Дайте спать, пока живы!

Забияки-пенсионеры проглотили угрозу и замолчали. Сопя, как революционный паровоз, Вася с минуту прислушивался к наступившей тишине, потом удовлетворенно изрек:

– Ну, то-то же! – и со стуком захлопнул свою форточку.

– Миха, Михочка, иди к мамочке! – опасливо зашептала Марфа Андреевна, стоя на пороге подъезда с пузырьком валериановых капель в одной руке и белым носовым платочком в другой.

Неловкими пальцами выковырнув тугую пластмассовую пробочку, пенсионерка окропила тряпочку валерианкой и помахала белым флажком, как парламентар.

– Мя-а-а! – дурным голосом вякнул валерианозависимый Миха, мелким бесом подпрыгивая на задних лапах у ног хозяйки.

– Тихо, котик, тихо! – Красиво помахивая платочком, как участница хореографического ансамбля «Березка», Марфа Андреевна быстро поплыла в глубь подъезда.

Ловко пятаясь, кошачья хозяйка в сопровождении наступающего на нее подшефного «британца» добралась до площадки между первым и вторым этажом, и тут ей под ноги угодил чемодан, утерянный Аликом. Потеряв равновесие, Марфа Андреевна упала на спину, ушиблась и выронила пузырек. Громко зазвенело стекло, вскрикнула и заругалась Марфа Андреевна. Бессердечный Миха, как призовой жеребец, перемахнул через сдвоенное препятствие в виде чемодана и павшей обочь него хозяйки и жадно припал к ароматной валериановой лужице.

– Ну, что еще?! – рявкнул гневливый Вася Ижицин, распахивая дверь на лестничную площадку.

– Вася, чемодан! – жалобно сказала Марфа Андреевна.

– Кто чемодан? Я чемодан?! – не понял Ижицин.

– Тут чемодан. На лестнице стоит! – поспешно объяснила женщина. – Большущий. И вроде, дорогой... Не твой ли?

– Да на фига мне чемодан? – искренне удивился Вася, перегибаясь через перила. – Я все больше по коробкам и ящикам специалист...

Свет из распахнутой Ижициным двери выхватил из темноты подъезда Аликову потерю. Чемодан красиво блестел новой кожей и сверкал желтыми замочками.

– Слышь, Андреевна, ты давай, отползай от него потихонечку! – встревоженно нахмурился Вася. – Больно подозрительный чемоданец! Фиг его знает, че в нем такое? Может, этот, как его... тротиловый эквивалент!

– Думаешь, бомба?! – враз осипшим голосом прошептала Марфа Андреевна.

Забыв об ушибах, она проворно поднялась на ноги и обошла по широкой дуге подозрительный чемодан, на ходу подхватив на руки яростно вырывающегося кота.

– Тише, Михочка, не волнуйся, – прерывающимся голосом бормотала кошачья хозяйка, поспешая в свою квартиру. – Сейчас мамочка позвонит, куда надо, и дяди милиционеры проверят, что это за чемоданчик!

– Нет террору! – согласно вздохнул Вася Ижицин.

Он посторонился, пропуская наверх спотыкающуюся Марфу Андреевну, еще раз посмотрел на подозрительный чемодан, почесал в затылке и задумчиво спросил сам себя:

– Поглядеть, че будет, или ну его на фиг?

– Вась, ну че там? – капризно спросила из глубины квартиры Васина сожительница Клавдия, продавщица из колбасного ларька.

– Че-че! Через плечо! – неласково буркнул Ижицин. – Одевайся, Клавка, бери деньги, документы и пошли дрыхнуть на топчан в гараже. Тут щас такой цирк начнется, что будет не до сна, а нам с тобой чуть свет на рынок топать.

Цирк начался за полчаса до полуночи. В маленький дворик у сталинской трехэтажки, распарывая ночную тишь и темень разноголосым ревом сирен и огнями мигалок, влетели машины милиции, пожарных, МЧС и сразу две «Скорых». Вкривь и вкось пришвартовавшись у дома, спецавтомобили быстро заглушили моторы, но не сразу вырубил звуковые сигналы. Поэтому вскоре в доброй половине окон, выходящих во двор, уже торчали головы испуганных жильцов – такие же круглые и взъерошенные, как соседствующие с ними по подоконникам крупные кактусы.

Первой в подъезд деловито вошла специально обученная собака. Желтый ретривер Маршал без промедления обнаружил подозрительный чемодан и проявил к нему повышенный интерес, природу которого двуногий товарищ Маршала, кинолог Степа, классифицировать затруднился. Несовершенное человеческое обоняние самого Степы ощущало только сокрушительное совокупное амбре валериановых капель и свежей кошачьей струи. Маршал выглядел смущенным. Почесав в затылке, кинолог высунулся в окно и сообщил ожидающим информации спецам:

– Что-то в этом чемодане есть!

– Что именно? Смена белья и жареная курица? – потребовал уточнения кто-то из взрывников.

– Не, точно не курица. – Степа и Маршал одинаково помотали лохматыми головами. – Что-то странное и подозрительное. Пожалуй, надо эвакуировать народ.

Народ, передовые представители которого, насторожив ушки, уже давно сидели на подоконниках, начал эвакуироваться добровольно, не дожидаясь особого приглашения. По лестнице толпой повалили наспех одетые граждане с ручной кладью и похожими на свертки младенцами.

– Осторожно, Коля! Держись поближе к перилам!

Я вручную помогла вписаться в крутой изгиб лестницы неразворотливому Коляну, отягощенному закутанным в одеяло Мاسянькой.

Ребенок выпростал ручку и сделал попытку на ходу потрепать по голове крупную собаку желтой масти. Пси́на с жутко серьезным видом восседала на лестничной площадке, в паре с мужиком в камуфляжной форме преграждая бегущим доступ к опасному чемодану.

Во дворе испуганный народ встречали сурово нахмуренные менты. Неискренне повторяя крылатую фразу из репертуара Карлсона: «Спокойствие, только спокойствие!», они отгоняли людей подальше от дома, и вскоре подступы к нашей трехэтажке стали напоминать не то лагерь беженцев, не то бивак средневековой армии. Особенно живописно смотрелась площадка для сушки белья, где под сенью забытых кем-то пододеяльников, трикотажных мужских подштанников с вытянутыми коленками и дюжины огромных бюстгалтеров, каждый из которых свободно мог вместить пару пушечных ядер, на узлах и чемоданах устроилось многодетное семейство Суньковых из тридцать третьей квартиры.

Колян с Масянькой оккупировали просторные двухместные качели и тут же задействовали их по прямому назначению, нервируя бодрим скрипом чету пенсионеров Крутиковых с их внучкой, собачкой и котиком. Крутиковы рядком уселись в изножии крутой детской горки и напоминали собой небоеспособный обоз суворовских войск, напрочь отказавшийся от мысли совершить исторический переход через Альпы.

Свежий ночной воздух и размеренное качание быстро усыпили нашего малыша. Колян тоже начал было клевать носом, но я безжалостно потрясла его за плечо и строго-настрого

велела не дремать, чтобы не проспять чего-нибудь важного. Потом подоткнула Маше одеяльце и побежала в первые ряды зрителей, не в силах справиться с обуревающим меня любопытством.

Тем временем в подъезде, где взрывники Петров и Трошкин визуально исследовали подозрительный объект, события разворачивались своим ходом. Низко склонившись над чемоданом, Вася Трошкин сделал слишком глубокий вдох и наполнил легкие гремучей смесью испарений спиртового раствора валерианы и кошачьей мочи.

– Ы-ы-ы! – задышавшись, произнес Вася.

Он высоко поднял брови, аккуратно вписав их в ранние залысины на лбу, одинаково округлил глаза и рот, и через несколько секунд Васин организм, вполне здоровый и хорошо тренированный, но абсолютно не приспособленный к потреблению необычных дыхательных смесей, заявил свой решительный протест.

Протест выразился в оглушительном многосерийном чихании, изнузившем Трошкина настолько, что он зашатался, переступил с ноги на ногу и неосторожным движением повалил на бок чемодан. Васин коллега Дима Петров малодушно зажмурился, но, поскольку ничего страшного не произошло, через несколько секунд осторожно «выжмурился» обратно.

– Не рванул? – немного удивленно пробормотал Дима.

Вася не ответил: он продолжал чихать и кашлять, вися животом на перилах, как бельё на веревке. Недоверчиво вздернув брови, Петров сомкнул нервно подрагивающие пальцы на ручке чемодана и поднял его. Чемодан с легкостью оторвался от пола.

– Да он же пустой! – воскликнул Петров.

– Не может быть! – не поверил ему Трошкин.

– На, поддержи!

Дима передал чемодан Васе.

– Точно, пустой! – обрадовался тот и, недолго думая, щелкнул латунным замком.

Чемодан с готовностью открылся, и из него в сизую дымку подъезда, подсвеченного снаружи прожектором, как медузы из темных морских глубин, поплыли ввысь круглые молочно-белые шары с длинными золотистыми хвостиками, закрученными в изящные спиральки.

– Это еще что за хрень?! – запрокинув голову, безмерно изумленно воскликнул Петров.

– Шарики! – давась истерическим смехом, прохрипел не вполне прокашлявшийся Трошкин. – Обыкновенные воздушные шарики!

– А если не обыкновенные? – спохватился Петров. – Кончай хихикать, дурак! Фиг его знает, что за газ у них внутри! Не дай бог, зарин!

– Ох, мать вашу! – враз посерьезнев, выдохнул Трошкин. – Зарин? Тогда дело плохо. Если хоть один шарик рванет, будет нам тут газовая атака почище, чем в Токийском метро.

– Полное аум сенрике! – согласился эрудированный Петров, кстати вспомнив название японской секты, устроившей в столице своей исторической родины кошмарный террористический акт с применением отравляющего газа.

Поднявшись на цыпочки и вытянув шею, я из-за плеча неразговорчивого милиционера смотрела на наш подъезд, в котором, вероятно, происходило какое-то действие. К сожалению, разглядеть что-либо снаружи, да еще с расстояния метров в пятьдесят, никак не получалось.

– Спорим, что бомба рванет? Ставлю полтинник, – предложил Сашка Суньков, топчась рядом со мной.

Я повернула голову и посмотрела на тринадцатилетнего оболтуса, розовощекая физиономия которого сияла нездоровым оживлением.

– Если бомба рванет, я не смогу заплатить за пари: кошелек в квартире оставила, – ответила я.

– Значит, раскидает твои денежки по всей округе! – радостно заржал Сашка. – Тут-то мы их и соберем!

– Тогда мы костей не соберем! – вступил в разговор хмурый дядечка из соседнего подъезда.

– Граждане, шли бы вы куда подальше, а? – не оборачиваясь, попросил милиционер, закрывающий нам своим телом и доступ к подъезду, и обзор.

– Как вам не стыдно! Представитель власти, а ругаетесь! – взвилась незнакомая тетка с головой, густо усаженной шипастыми бигуди, что делало ее похожей на добычливого ежика.

– Ой, да замолчите вы все! – невежливо перебил женщину Сашка. – Орете, как резаные, слушать мешаете!

– Он ждет, что бомба взорвется, – объяснила я ежевидной тетеньке.

– Ой, да не дай боже! – закричалась та. – Беда-то какая будет, и-и-и!

Подкрепляя бабий тоскливый вой, из-за угла соседнего дома, гудя клаксоном, вывернула еще одна машина – без мигалки и сирены, зато с табличкой «Телевидение» за лобовым стеклом.

Через минуту в первый ряд зевак протиснулся мой добрый приятель и коллега – оператор Вадик Рябушкин. За ним, размахивая микрофоном, как марширующая мажоретка жезлом, поспешал Аслан Буряк, человек в нашей телекомпании новый, но уже замеченный и отмеченный.

Невероятно активный и столь же самонадеянный, Аслан с разбегу занял вакантную должность, от которой с полгода отбрыкивались все наши штатные журналисты, – и.о. главного редактора. На руководящем посту Аслан без усталости творил чудеса глупости, за что сразу же получил от нашего редакционного народа язвительное прозвище «Ослик ИО». А собственное имя нового главреда очень удачно переделалось из Аслан в Ослян.

– Ну, где бомба? – протолкавшись вперед, спросил Ослик ИО таким тоном, словно он ожидал, что искомую бомбу поднесут ему на блюде с голубой каемочкой.

– Там, – мотнула я головой на подъезд.

– Привет, Ленка, – не отрываясь от видеоискателя телекамеры, произнес Вадик, узнав меня по голосу.

– О, а ты что здесь делаешь? – Ослик тоже опознал меня и нахмурился, вероятно, предполагая, что я конкурирую с ним как репортер.

– Я там живу, – повторила я движение подбородком.

– Да что ты?! Вот здорово! – возликовал Ослик, неумеренно жестикулируя и азартно шевеля носом с горбинкой.

У родового дерева Аслана Буряка была сильно разветвленная корневая система, но часть отростков, несомненно, уходила за Кавказский хребет. Сей факт доказывали как знойная брюнетистая внешность, так и безумная эмоциональность Аслана.

– Как пострадавшая дашь интервью? – Ослик ИО крепко ухватил меня за локоть.

– Я пока еще не пострадавшая! – напомнила я.

– Да рванет бомба, не сомневайся, – «успокоил» меня несносный Сашка Суньков.

– Вадик, ты смотри, не отвлекайся! – забеспокоился Ослик. – Если не снимешь взрыв, будешь моим кровным врагом!

– Отчего не снять? – хладнокровно отозвался Вадик, нисколько не напуганный обещанием вендетты. – Если рванет в ближайшие тридцать секунд, запросто сниму.

– А если позже? – Мне стало интересно, чем вызвана необходимость жесткого регламента.

– А если позже, то не сниму, – пожал плечами Вадик. – У меня пленка заканчивается.

– Как заканчивается?! Мы же в ресторане только-только новую кассету распечатали! – От полноты чувств Ослик подпрыгнул, приземлившись на ногу юному Сунькову.

– Мы снимали презентацию ресторана восточной кухни, – пояснил мне оператор. – Для рекламы. А потом нам позвонили с новостью про ваш заминированный дом, чтоб его!

– Не надо, – пробормотала я.

– Да я просто хочу сказать, что эта ваша бомба оказалась жутко некстати, – извиняясь, пояснил Вадик. – Аслану, разумеется, захотелось первым из акул пера подгрести к месту событий, поэтому мы бросили недоеденный шашлык и примчались сюда.

– Ты мне зубы не заговаривай! – взвился обиженный Ослик. – Ты на что пленку извел, а?!

– Бэ! – беззлобно огрызнулся Вадик.

Шипящий от боли Сашка наконец-то выдернул свою обутую в домашний шлепанец конечность из-под каблука Аслановой туфли. Ослик покачнулся, но устоял.

– Ты не забыл, кто велел мне снимать танец живота со всеми подробностями? – напомнил ему Вадик. – Все, капут твоей новой кассете! Запасная есть?

– Нэту! – в речи разволновавшегося Аслана прорезался отчетливый кавказский акцент.

– Вах! – цокнул языком бессердечный Вадик.

Ослик ИО в отчаянии заломил руки с микрофоном, сделавшись карикатурным подобием певца Меладзе, но, против ожидания, не запел. Он сформировал из нижней губы квадратный ящичек и задумчиво подвигал его вперед-назад. Кавказские глаза Аслана загорелись, как огнем, и пальнули пламенем прямо в меня:

– Елена, а ведь у тебя наверняка есть кассеты!

– Там, – в третий раз за короткое время кивнула я на свой подъезд.

– Неси!!!

Я вытаращилась на идиота:

– Как это – неси? Да кто меня туда пропустит? Не видишь разве, что дом оцеплен!

– А сзади не оцеплен, – подсказал Сашка Суньков. – С той стороны ни одного живого мента нет!

Милиционер, за спиной которого мы сгруппировались, обернулся и внимательно посмотрел на не в меру разговорчивого подростка.

– В смысле, там нет ни одной живой души, – поправился Сашка.

– Менты: живые и мертвые, – вполголоса проговорил веселящийся Вадик. – Отличное название для нового сериала!

– Иди сюда! – Ослик за руку вытащил меня из толпы.

– Ну, чего тебе? – с неудовольствием спросила я.

– Ясно, чего: кассету! Ты на каком этаже живешь?

– На втором, а что?

– Квартира с балконом?

– Ты очумел? – До меня наконец дошло, к чему ведут его вопросы. – Хочешь, чтобы я лезла в собственную квартиру через балкон?

– А он закрыт? – не отставал Ослик.

– Закрыт? – попугаем повторила я его вопрос, одновременно пытаюсь припомнить, закрыла ли я в спешке балконную дверь.

В конце сентября в городе было жарко, как в августе: наступило бабье лето. Помню, перед сном я открывала все окна...

– Кажется, открыт, – озвучила я свои воспоминания.

– Замечательно! – обрадовался Ослик.

– Аслан! Я не идиотка, чтобы лезть в заминированный дом! – сердито сказала я.

– Да я сам полезу, ты только покажи свой балкон и объясни, где искать кассету.

– Соглашайся, – шепнул мне на ухо подошедший Вадик. – Если бомба все-таки рванет, мы избавимся от дебильного главреда. Какое-никакое, а все-таки утешение!

– А что мне за это будет? – поинтересовалась я. Напоминание о том, что Аслан – мое начальство, повернуло мои мысли в другую сторону.

– Завтра можешь не выходить на работу, – быстро сказал Ослик. – Даю тебе отгул для восстановления здоровья после пережитого нервного потрясения!

– Очень надеюсь, что нервного и прочего потрясения все-таки не будет, – пробормотала я. – Ладно, слушай. Кассеты лежат в тумбочке под телевизором...

Проинструментированный Аслан поспешил занять исходную позицию под балконом. Вадик, который добровольно вызвался стать нижним в пирамиде, посадил более шуплого Ослика себе на плечи и, дождавшись, пока тот переберется на балкон, помахал ему ручкой:

– Удачи! Мы тебя встретим с той стороны!

Не дожидаясь возвращения Ослика, мы с Вадиком побежали назад, к народу, и как раз успели увидеть торжественный выход из подъезда взрывников.

Две кряжистые фигуры устрашающего вида возникли на пороге, как персонажи черной комедии. На мордах у парней были противогазы, в руке у одного – пресловутый чемодан, а другой держал связку воздушных шариков. Скрученные хвостики шаров красиво золотились, стеклянные очи противогазов пугающе сверкали.

– Ой! – обморочно выдохнула впечатлительная Людочка Сунькова, беременная очередным, шестым по счету, потомком.

Подоспевшие санитары заботливо переместили ее поближе к карете «Скорой помощи».

– Похоже, взрыв отменяется! – с сожалением констатировал бесчувственный Людочкин старшенький.

И как сглазил: не успел Сашка договорить, как в глубине дома грохнуло.

– Мама! – Со слабым взвизгом только-только приведенная медиками в чувство, Людочка Сунькова снова отключилась.

В толпе возбужденно загомонили. В подъезд, толкаясь локтями, рванули менты и спасатели. Кошмарная парочка в праздничном убранстве из шаров и противогазов замерла посреди двора, таращась стеклянными очами на целый и невредимый чемодан.

– Ох, у меня какое-то нехорошее предчувствие! – призналась я приятелю-оператору.

– А вот и я! – сообщил запыхавшийся Аслан Буряк, с разгону влипая в широкую спину Вадика. – Слушай, ты меня извини! Какой-то я сегодня неуклюжий... Леночек, прости, бога ради, там у тебя в квартире была какая-то надувная мебель... Я тебе за нее заплачу. Купишь новую, ладно?

– Ты грохнул Масынькину лошадь? – догадалась я. – Это она так рванула?

– Ло-ошадь? – удивился Ослик. – Я думал, это пуфик.

– И какой же ты после этого джигит, Аслан? – съязвил Вадик. – Коня от пуфика не отличил!

– Да у меня не было возможности его рассматривать! – рассердился Ослик. – Я с балкона шагнул, за порожек запнулся и – упал. А оно ка-ак шарахнет! Я чуть не обделался с перепугу!

– Спасибо, что хотя бы не обделался, – желчно поблагодарила я. – А кассету-то нашел?

– А как же! – торжествующий Ослик сунул коробочку в протянутую руку Вадика.

Ребята занялись своим делом и моментально забыли про меня. Вздохнув при мысли о том, что с утра пораньше придется бежать в магазин спорттоваров и покупать Масе нового скакуна взамен лопнувшего, я повернулась спиной к подъезду и побежала на детскую площадку вытаскивать из качелей своих Колянов и вести их домой. Оцепление уже снимали, жильцы, делясь впечатлениями от нескучно проведенной ночи, потянулись в свои квартиры.

Вторник

Этажом выше в подъезде с грохотом захлопнулась дверь, и вниз по лестнице загремели торопливые шаги. Сопровождающие их звуки пробудили в моей памяти незабываемый образ трагически погибшей скаковой зебры, и я проснулась со слезами на глазах.

Даже не глядя на часы, я знала, что сейчас примерно половина восьмого: трое из пяти имеющихся в наличии детишек Суньковых под предводительством обормота Сашки только что поскакали в школу. Минут через десять из квартиры выдвинется их мамочка, конвоирующая в детский сад трехлетних близнецов Сашу и Пашу. Не желающие сдаваться в ясли, пацаны будут затруднять продвижение родительницы, злокозненно поджимая ноги на ступеньках. Поравнявшись с нашей дверью, горластый Паша, как обычно, заорет, а тихоня Саша предпримет очередную суицидальную попытку – попытается выброситься в лестничный пролет, нырнув под перила.

Вздыхнув, я вылезла из-под одеяла, натянула просторную Колянову майку, с успехом заменяющую мне утренний халат, и собрала с пола останки надувной зебры. Ключья полосатой резиновой шкуры разметало взрывом по всей комнате, а пустотелую голову я отыскала в прихожей. Лошадиная морда сморщилась и перекосилась, но остроконечные уши сохранили твердость и торчали вверх так жизнеутверждающе, что это выглядело несколько непристойно. Я похоронила останки зебры в мусорном ведре и принялась готовить завтрак, размышляя, что бы такого утешительного сказать Масыньке, если он спросит, куда подевался его новый четвероногий резиновый друг.

– Лошадка убежала в поле, покушать травки, – проникновенно поведала я пузырям в кастрюльке с кипящей водой.

– Неужели? – возникнув на пороге кухни, спросил отчаянно зевающий Колян. – Ну, продолжай...

– Ты же знаешь, Коленька, что лошадки кушают только травку? – я с готовностью сменила адресную аудиторию. – Ну вот, а у нас в доме травки не нашлось, поэтому лошадка пошла завтракать в лес.

– Убедительно. – Колян дважды хлопнул в ладоши, потом остро прищурился на стеклянную банку с укропом, быстро переставил ее со стола в закрытый кухонный шкафчик и пояснил: – Травка.

Я кивнула и накрыла пустой коробкой из-под торта кактус на подоконнике.

– Разве лошадки едят кактусы? – усомнился Колян.

– У нас была зебра, – напомнила я.

В дверь позвонили.

– Это еще кто? – удивился Колян, скрываясь в прихожей.

Через секунду я услышала басовитый хохот и знакомый голос нашего приятеля Сереги Лазарчука.

– Доброе утро, страна! – радостно возвестил Серега. – А мы пришли к вам кофе пить!

– Ты не один? – удивилась я.

– Я с Петькой.

Я бросила в кипяток еще четыре сосиски и вышла в прихожую навстречу гостям.

– Это Петька, – представил мне Лазарчук симпатичного белокурого юношу с длинными ресницами куклы Мальвины. – Мы с ним провели бурную ночь.

– Ты сменил ориентацию? – поинтересовался бестактный Колян.

– Скорее, род занятий! – весело хохотнул Лазарчук. – Я теперь не просто сыщик, а сыщик-педагог! Петька – мой стажер. Сегодня он в первый раз выезжал на место происшествия, поэтому немного не в себе и остро нуждается в горячительном. У вас что-нибудь есть?

– Есть горячительный кофе и горячительные сосиски, – ответила я, пропуская гостей в кухню. – Или вам спиртное нужно?

– Нет, нам еще работать, – торопливо покачал белокурой головой стажер Петька.

– Давай сосиски, – согласился Лазарчук.

– Сосисотки! – эхом подхватил появившийся на утренней сцене Масянька, протискиваясь поближе к столу.

Он вскарабкался на табурет, протянул сложенную ковшиком ладошку и жалостливо попросил:

– Мама! Мамотька! Мамулетька! Дай ему одну хоошую сосисотку!

– У ребенка появилась занятная манера именовать себя в третьем лице, – пояснил Колян, стаскивая малыша с табурета. – Колюша, а умыться, а ручки помыть?

– Папотька! Помой ему рутьки! – Ребенок потянул отца в ванную.

– Садитесь к стеночке, там поспокойнее будет, – посоветовала я гостям. – И держите свои тарелки подальше от Масяни, он чрезмерно любит сосиски.

С сосисками, сыром, вареными яйцами и творожной пастой соединенными усилиями расправились быстро. За кофе и чаем «приговорили» печенье и не съеденные Масей с вечера кукурузные палочки.

– Могу еще предложить мед и курагу, – сообщила я, поспешно проинспектировав холодильник.

– А можно еще кофе? – попросил Лазарчук.

– А мне чаю? – хлопнул ресницами Петька.

– Чай можешь выпить Масянькин, он к своей кружке не прикоснулся. Видно, не хотел горячительного, – отозвался Колян.

– Лошадка! Лошадотька! Лошадюля! – с болью в голосе вскричал ребенок, успевший убежать из кухни в комнату. – Лоша-а-а-а-а!

Нарастающий детский рев создавал полную иллюзию того, что мы вдруг перенеслись в аэропорт, прямо на взлетную полосу. Я малодушно зажмурилась.

– Пристегните ремни! – ассоциативно пробормотал Колян, отодвигая свой табурет с прохода.

Топая ножками, в кухню ворвался рыдающий Мася. В руке у малыша была куцая тряпочка, похожая на несвежий носовой платок.

– О боже! – Я сообразила, что ребенок нашел пропущенный мной фрагмент лопнувшей зебры.

– Ни слова про травку! – шепнула я Коляну. – Срочно нужна другая версия событий!

– Ага, – муж понятиливо кивнул.

– Лошадка? – Всхлипывающий малыш протянул мне резиновый клок.

– Это? Да, это лошадка, – вынужденно согласилась я, решительно не зная, что говорить дальше.

– Это была лошадка, – перебил меня Колян, сделав акцент на прошедшем времени глагола.

Затем прищурился и вдохновенно зачастил:

– Но лошадка не простая. Не надо плакать, Колюша! Ты помнишь сказку про Царевну-лягушку? Умница! Так вот, мой хороший, у нас с тобой была Царевна-лошадка...

– Не хило! – пробормотал Лазарчук.

– Вчера вечером Коля обнимал и целовал Царевну-лошадку, и поэтому ночью она сбросила свою лошадиную шкурку! – заявил Колян.

– И превратилась в Царевну! – радостно подхватил Лазарчук, смекнув, к чему клонит Колян.

– Правда-правда, мой милый! – Я тоже поспешила присоединиться к сказочникам.

Мася закрыл ротик, неуверенно улыбнулся, а потом огляделся по сторонам и неожиданно требовательно спросил:

– Где Цаевна?

– Оп-ля! – тихо сказал Колян.

Предъявить ребенку вылупившуюся из лошадки Царевну он явно не был готов.

Я оценивающе посмотрела на Лазарчука.

– Царевич! – перехватив мой взгляд, нашелся с ответом сообразительный Колян. – Наша лошадка превратилась не в Царевну, а в Царевича!

– Такой Конь-царевич, да? – покрутил головой Серега.

– Где Цаевить? – насупился упрямый Мася.

Я в упор посмотрела на сыщика.

– Я не могу, он меня знает как дядю Сережу, – сообразив, что к чему, поспешно шепнул Лазарчук. – Извини, Петька, но делать нечего, придется тебе...

– Вот он, твой Царевич! – торжественно возвестил Колян, тыча чайной ложкой в грудь стажера.

– Цаевить-лошадка? – уточнил Мася.

– Он самый, – подтвердила я.

Ребенок немного помолчал, обдумывая сказанное.

– Может, мы уже пойдем? – почувствовав неладное, робко прошептал стажер Петя.

– Сидеть, – тихо скомандовал Лазарчук.

– Кататься! – постановил Масынька. – Он хочет кататься на лошадке!

– Петенька, вам это зачтется! Покатайте его, пожалуйста! – взмолилась я.

– Это будет нетрудно, Мася весит всего шестнадцать кило. Совсем как пудовая гиря! – ухмыльнувшись, сообщил Колян.

Стажер издал протяжный лошадиный вздох и с сожалением отодвинул от себя недопитый чай.

Расседлать взмыленного Петю удалось только минут через десять, когда Конь-царевич уже начал хрипеть и заваливаться на бок, рискуя придавить седока. К счастью, как раз пришла наша няня, и Мася начал собираться на прогулку, наконец оставив в покое несчастного Петю.

Убегали мы из дому все вместе – я, Колян, Лазарчук и его стажер. Убегали с дружным топотом и ржанием, вчетвером живо напоминая собой классическую квадригу. Коля, Серега и Петя поскакали на работу, а я сбегала в ближайший магазин, прикупила продуктов и вернулась домой. Няня с Масей уже ушли на прогулку, в доме было тихо.

– Одна, совсем одна! – мечтательно пробормотала я, думая, не завалиться ли мне на диван с книжкой в одной руке и шоколадкой в другой.

Посмотрела на книжную полку и охнула:

– Лола! А про тебя-то я забыла!

На верхней полке стояла небольшая клетка, задвинутая поближе к стене, чтобы ее не было видно Масыньке. В клетке сидела декоративная крыса Лолита, принадлежащая нашему соседу Алику Дыркину.

Искренне считая всех женщин существами, совершенно непригодными для одомашнивания, закоренелый холостяк Алик не спешит обзаводиться женой или хотя бы постоянной подружкой. К несчастью для Алика, он хорош собой, имеет стабильный заработок и собственную квартиру, и все это, вместе взятое, делает его весьма привлекательным объектом для дам, жаждущих приручения на законных основаниях. Алик очень старается, чтобы его отношения с женщинами не выходили за рамки необременительной интрижки, и безжалостно пресекает попытки коварных дам задержаться на его территории. Фирменный способ Дыркина быстро выставить из дома навязчивую барышню – знакомство подружки с Лолитой. Обычно накануне интимного свидания Алик относит свою верную крысу к кому-нибудь из соседей, а поутру

забирает зверька обратно. Что они с Лолитой вытворяют дальше, я не знаю, но только истошный визг Аликовых девиц слышен всему подъезду.

– Что-то хозяин за тобой сегодня не спешит, – заметила я, забираясь на стул, чтобы снять клетку с крысой с полки. – Может, влюбился?

Лолита несогласно дернула длинным голым хвостом.

– Вряд ли, конечно, – согласилась я. – Скорее, ночное ЧП выгнало голубков из постели, и Алик с подружкой переместились в какое-нибудь другое, более спокойное место.

Тут я с раскаянием вспомнила, что в момент всеобщей эвакуации напрочь забыла о крысе, оставленной на мое попечение, и бедняга Лола рисковала взлететь на воздух. Правда, подозрительный чемодан оказался невзрывоопасным, но лопнувшая зебра могла сильно травмировать нервную систему домашней крыски.

– Сейчас я накормлю тебя печеньем и отнесу к хозяину, – пообещала я зверьку, смешно шевелящему усами.

Сбегав на кухню, я просунула между прутьями клетки надкусанное Масей печенье, взяла клетку и вышла на лестничную площадку. Но только поднесла палец к звонку соседней квартиры, как заметила, что дверь не заперта.

– Напился и забылся, – догадалась я.

Кстати, мне вспомнилось, что ночью во дворе я мельком видела Дыркина: Алик был пьян, как сапожник, и безвольно висел на плече незнакомой мне полуголой девицы. Я толкнула дверь и сказала взволнованной Лолите, объясняя свой поступок:

– Я только войду и поставлю твою клетку на видном месте. Извини, но я не могу оставить тебя у себя дома: если Масянька тебя увидит, то потребует усыновить, а я не готова обзавестись четвероногим питомцем. Мне и своих двуногих хватает.

Лолита что-то пискнула в ответ, но я не стала ее слушать, просто толкнула дверь и вошла в квартиру. В принципе, можно было оставить крысиную клетку в углу прихожей или на полу, но я ведь уже обещала Лоле поместить ее на видном месте. А наиболее видными местами, по моему опыту, в среднестатистической квартире являются тумбочка с телевизором и кухонный стол.

Не желая тревожить обитателей квартиры, которые, судя по тишине, еще спали, я прошествовала в кухню и с большим сомнением оглядела стол, занимающий центральную часть помещения. Что и говорить, местечко было видное, стол буквально приковывал к себе взгляд, как творение гениального художника-абстракциониста! Блюда и блюдца с мясными нарезками, овощными закусками и всяческими салатами громоздились на столе вкривь и вкось, наполняя друг на друга, как черепичины на древней крыше, вступившей в период линьки. С накрепившейся салатницы сошла лавина оливье, сдвинувшая с блюда одноногую жареную курицу. Инвалидная птица уползла на самый край стола и застыла там в шатком равновесии. От падения ее удерживала только плоская поллитровка, придавившая острое поджаристое крылышко. Из бутылки на линолеум натекла коричневая лужица.

– М-да-а-а... Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах, – пробормотала я, глядя на куриную тушку под салатной горкой.

Свободной от крысиной клетки рукой я машинально подняла перевернутую бутылку, и освобожденная птица тут же полетела на пол.

– Только смелый буревестник реет гордо и свободно! – прокомментировала я последний полет жареной птицы.

Курица шмякнулась точнехонько в коньячную лужицу, произведя громкий влажный шлепок и некрасиво разбрызгав по полу темно-желтую жидкость. В комнате скрипнула половица.

– Алик, ты не спишь? – Обрадовавшись, что могу отдать Лолиту лично в руки хозяину, я толкнула легкую дверь и вошла в комнату.

Сразу же, еще с порога, мне стало ясно, что Алик в самом деле не спит. Но и бодрствующим его никто бы не назвал. Хозяин квартиры был явно мертв, и, судя по размеру кровавого пятна, испортившего красивый светлый палас, причина смерти Дыркина была крайне далека от естественной.

Впрочем, «причина» стояла тут же, рядом с жертвой! Над окровавленным телом склонился невысокий коренастый парень, одетый в черное. Услышав мои слова, он обернулся, и в руке его угрожающе блеснул какой-то инструмент. Я испуганно пискнула и выронила клетку с Лолитой. Крыса тоже пискнула, дверца клетки от удара распахнулась, и Лола дернула за порог – назад, в прихожую. Мне очень хотелось последовать ее примеру, но ноги с перепугу налились свинцовой тяжестью.

«Все, сейчас он и меня зарежет, как бедного Алика!» – эта мысль мелькнула в моем мозгу, как крыса, удирающая с тонущего корабля.

Убийца, выпрямился, сделал шаг в мою сторону, и я в полной мере почувствовала себя жертвенной овечкой. Наверное, именно поэтому вытаращила глаза, как баран, и за какие-то секунды превосходно рассмотрела парня в черном.

У него была совершенно уголовная внешность! Низкий скошенный лоб как-то незаметно переходил в бритую голову и могучий, как у бизона, загривок. Глубоко посаженные глазки затеняли выпуклые надбровья, крупные ноздри раздувались, отчего весь нос подергивался, как плохо пришитая пуговица. Длинный рот кривился в пугающей усмешке, а массивный подбородок выпирал вперед, как подводная часть ледокола. Руки, ниже коротких рукавов черной майки густо покрытые рыжей шерстью, свисали почти до колен, и над волосатыми пальцами, сжимавшими нож, синели буквы: «Лева». Татуировка! Ну, точно, уголовник!

Черный «Лева» придвинулся ко мне еще на шаг, и тут в подъезде раздался оглушительный, какой-то нечеловеческий визг. Убийца дернулся, одним большим прыжком переместился к двери, ведущей на балкон, распахнул ее, сорвав с крючков занавеску... и через секунду я осталась в чужой квартире тет-а-тет с трупом.

На лестнице продолжали визжать, словно там работал лесопильный станок на высоких оборотах.

– Лолита! – почти с нежностью выдохнула я, смекнув, кому обязана своим спасением от убийцы.

Три шага – и я оказалась на лестничной площадке в компании с другими жильцами, привлеченными диким шумом. Непрерывный визг издавала толстуха Клавдия, сожительница Василия Ижицина. Растопырившись морской звездой, габаритная баба стояла на подоконнике, а Вася с лестничной площадки протягивал к ней руки, в замке которых трепыхалась Лолита, и успокаивающе приговаривал:

– Ну, Клавка, ты глянь, какая она маленькая! Хорошенькая, пестренькая, прям, хомяк с хвостиком!

В другое время я не преминула бы полюбоваться этой сценой, но сейчас мне было не до увеселений. Я прошла в свою квартиру, плотно прикрыла входную дверь, чтобы не слышать Клавкиного визга, и без колебаний сняла трубку телефона. Ясно было, что нужно немедленно сообщить об убийстве Алика Дыркина в милицию, но звонить 02 мне и в голову не пришло. Вместо этого я набрала номер мобильного Сереги Лазарчука и сказала:

– Серый, вы с Петей далеко ушли?

– Стоим на остановке, ждем трамвая. А что?

– Возвращайтесь, – попросила я. – Тут у нас убийство. Соседа моего зарезали, а я нашла труп и спугнула убийцу.

– Вернее, труп нашла я, а убийцу спугнула Лола, – давала я показания минут через двадцать.

– Где она? – Лазарчук огляделся.

– Лолита? У Ижициных, наверное, – машинально ответила я. – Я видела, Васька ее поймал.

– Давай Лолиту сюда, допросим и ее тоже, – велел капитан своему адъютанту Петьке.

– Петя, погоди! – крикнула я вслед уже исчезающему стажеру. – Не надо тащить сюда Лолиту!

– Надо, – оборвал меня Лазарчук. – Она тоже свидетель.

Несмотря на серьезность всего случившегося, я не удержалась от улыбки, но не стала раньше времени разочаровывать сыщиков. Они так долго и бесцеремонно вытряхивали из меня все подробности моего визита в квартиру убитого Алика, что мне даже стало интересно: а не знают ли Лазарчук со товарищи какой-нибудь действенный способ допрашивать и бессловесных тварей? Хотя, я думаю, показания крыс судом не принимаются...

Расстаться с сыщиками мне удалось только ближе к полудню. Трагические события утра меня измотали, и я уже не раз пожалела, что выпросила себе на сегодня отгул. Пошла бы на работу, и убитого Алика обнаружил бы кто-нибудь другой. Впрочем, Дыркин жил один, проходящая домработница появлялась у него раз в неделю. Так что, может, и неплохо, что я заглянула к нему нынче утром. Страшно представить, что мертвое тело в луже крови лежало бы по соседству с моей собственной квартирой пару-тройку дней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.